

В. М. Калинин

УДК 81'373.231'373.612-1

СЕМАНТИКА ИМЕН И ПОЭТИКА ИХ ПЕРЕЧИСЛЕНИЙ

О, всего на свете привлекательнее перечень в своей неизъяснимой наглядности.

У. Эко. *Имя розы*

Реферат: *Описаны факторы, влияющие на содержательность и эстетическую значимость перечислений поэтонимов в художественных текстах. На ряде примеров из творчества А. С. Пушкина представлены перемены, происходящие в совокупной семантике и поэтике рядов собственных имен в различных контекстах. Показаны некоторые теоретически возможные модели реализации "списков" поэтонимов. Намечены пути дальнейшего изучения художественно значимых перечислений.*

Ключевые слова: *конгенеративная поэтика, контекст, перечисление, поэтоним, синергетическая семантика.*

Десять лет назад в небольшой работе, касающейся контекстов типа "круг чтения" [2], я высказал некоторые соображения по вопросу, затрагиваемому в этой статье. Написана она была без учета того, о чем говорится в работе Л. Найдич¹. Тогда я не знал даже о существовании публикации; к сожалению, и до сих пор она остается недоступной. Не так давно я познакомился с романом У. Эко «Имя розы». В нем "рассмотрел совет" вернуться к уже ставившимся вопросам. Оттуда в эпиграф перекочевала мысль о "неизъяснимой наглядности" обсуждаемого материала. С некоторыми сокращениями приведу цитату из романа: "Библиотекарь представил нам работавших. О каждом Малахия рассказывал, над чем тот трудится <...>. Так мы познакомимся с Венанцием Сальвемекским, переводчиком с греческого и арабского <...>, с Бенцием из Упсалы, юным скандинавом, знатоком риторики. С Беренгаром Арундельским, помощником библиотекаря. С Имаросом Александрийским – переписчиком книг <...>. А также с минитюаристами из разных стран: с Патрицием Клонмакнойзским, Рабаном Толедским, Магном Ионским, Вальдом Геррефордским. Я мог бы продолжить этот перечень <...>" [13, с. 95]. Любопытно здесь то, что перед нами не просто рефлексия персонажа-повествователя – "отца Адсона из Мелька" – а, несмотря на двойную игру с повествователем², прежде всего, мнение знаменитого итальянского ученого, медиовиста и семиотика, являющегося "по совместительству" одним из крупнейших современных писателей-интеллектуалов. Необходимость возвращения к проблеме продиктована не только желанием автора, но и насущными задачами поэтономологии, потребностью глубже проникнуть в культурные, эстетические и речевые механизмы, формирующие совокупную семантику и поэтику перечней имен.

Итак, в чем же привлекательность и "неизъяснимая наглядность" перечня имен как фигуры речи? Начнем с очевидного.

В тексте любого литературного жанра перечни, состоящие из собственных имен, не могут быть случайностью или неоправданным "украшательством". Однако "чисто лингвистическое" описание последовательности собственных имен, например, как списка однородных членов пред-

¹ Найдич Л. Перечислительные ряды в романе «Евгений Онегин» // Пушкинский сборник. Иерусалим, 1997.

² "<...> само по себе рассказывание Адсона (первое повествовательное лицо) – непростой случай. Восьмидесятилетний Адсон рассказывает, что он пережил, будучи восемнадцати лет. Кто здесь рассказчик: восьмидесяти- или восемнадцатилетний? Оба сразу" [12, с.40].

ложения мало что добавляет к пониманию смысловой и эстетической информации, хранящейся в именах и передаваемой их *целостностью*. Что же касается перечней поэтонимов в художественных произведениях, то они представляют особый интерес, и это, в общем, тоже очевидно. Весь вопрос в том, *что* мы в состоянии увидеть в этих конструкциях. Ведь для поэтономологии важно определить, какова роль именно поэтонимов – феноменов особого рода – в совокупном эффекте от применения перечисления как средства усиления выразительности *складывающегося* сочетания в целом и каждого из его элементов. Выделенное курсивом причастие подчеркивает динамический, “становящийся” и, одновременно, синергетический характер воздействующей силы высказывания, в синтагматическом развертывании которого “дышат почва и судьба” целого и каждого из его компонентов.

Если отвлечься от конкретных реализаций рассматриваемого явления, взглянуть на него формально, можно сказать, что любое перечисление есть множество. Число элементов такого множества можно представить формулой $P = 1 + n$, где P – перечень, 1 – первый член перечисления, а n – любое (начиная с 1) число элементов, добавленных к первому в списке. У множества есть еще одно важное свойство – гомогенность элементов. Значит, говорить о наличии перечисления имен можно, начиная с момента, когда к собственному имени добавляется еще хотя бы один оним. Таким образом, минимальный перечень имен может состоять из двух элементов – N_1, N_2 .

Однако тут же возникает уже филологический вопрос: всегда ли в этом случае будет именно список? Два элемента или пара, двое как нечто целое? Думается, что некоторые пары имен, равно как и объединения, называющие разнородные объекты, в данном случае можно из рассмотрения исключить. Например: 1. Сочетание *Онегин и Петербург*, возможное в речи, в том числе, как номинативное предложение – название научной статьи, перечнем не является, поскольку включает имена разных разрядов: антропоним и топоним. Это сочетание, записанное в виде “*Онегин и Петербург*”, на том же основании (включает имена разных разрядов: артионим и топоним) также не может быть отнесено к перечислениям. 2. Вряд ли имеет смысл рассматривать как перечень имена мифических диоскуров, например, *Кастора и Поллукса* – сыновей-близнецов Зевса. Несмотря на многообразие мотивов мифа о божественных близнецах – защитниках и помощниках человека – они воспринимаются, как правило, целостно: от архаического спартанского фетиша (двух крепко связанных друг с другом бревен) до космического воплощения (утренней и вечерней звезд в созвездии Близнецов, являющихся в небе

попеременно). 3. Устойчивые выражения разного типа иногда включают по два имени, отнесение которых к перечням во многих, если не в большинстве случаев, также представляется нецелесообразным. Достаточно вспомнить русские паремии с именами *Фомы* и *Ерёмы*. 4. Не имеет смысла считать перечнями и пары имен влюбленных как из различных эпических традиций, так и из литературно-художественной классики: *Орфей и Эвридика*, *Филимон и Бавкида*, *Лейла и Меджунун*, *Ромео и Джульетта* и т.д. Здесь двое – безусловно, целое. 5. По-видимому, нет оснований и для отнесения к “спискам” двух имён, разделенных союзом *или*, например: / *Трудиться б стал я жаркой головою, / Как Цициан иль пламенный Альбан* / <...> / *Иль краски б взял Вернета иль Пуссина* / [Монах]³.

Иными словами, к “перечням” имеет смысл относить только такие два или несколько собственных имен, которые связаны между собой либо интонацией перечисления, либо соединительными союзами, либо тем и другим вместе, а синтаксически представляют ряд однородных членов.

Несколько слов о структуре элементарной модели перечня. Конкретные реализации формулы $P = 1 + n$ во всех случаях, когда речь идет уже не только и не столько о количестве онимов как таковых, а о распределении и размещении их в текстах, могут быть представлены по-разному. Например, в виде: 1) $P^i = N_1 \& N_2$ (/ *Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом* / [К Лицинию⁴]) или 2) $P^i = N_1 \& u \& N_2$. (/ *Дай бог любви, чтоб ты свой век / Питомцем нежным Эпикура / Провел меж Вакха и Амура!* / [Князю А. М. Горчакову]) Здесь P^i – данная реализация перечня, N_1, N_2 –

³ Здесь и далее ссылки на произведения А. С. Пушкина даны по полному собранию сочинений (см. описание в списке литературы) с указанием только названия произведения в квадратных скобках. При цитировании “в строку” знаком / (слэш) отделены друг от друга стихи, а знаком // (двойной слэш) – строфы. Цитаты из «Евгения Онегина» сопровождаются сокращением ЕО и указанием на главу и строфу романа.

⁴ В первом томе большого шестнадцатитомного академического издания помещена фотокопия автографа стихотворения, где рукой Пушкина записано название с предлогом “к”. В академическом десятитомнике (библиографическое описание в списке литературы) стихотворение напечатано с названием «Лицинию», то есть без предлога “к”. С таким названием Пушкин опубликовал это стихотворение во второй, позднейшей редакции. Несмотря на то, что стихотворение имеет подзаголовок (с латинского), оно вполне оригинально.

конкретные собственные имена перечня. Знаком конкатенации (&) отмечено бессоюзное (через запятую) объединение имен, а знаком (& и &) показано перечисление, элементы которого связаны соединительным союзом *и*, представляющим собой элементарное “осложнение” перечня минимальной структуры.

Демонстрируемый в статье поэтонимологический подход требует, кроме рассуждений о структуре, обязательного комментария к поэтонимам, составляющим список. Поскольку список является фрагментом стихотворения, название которого содержит собственное имя, необходимо проинформировать читателя и о нем. Итак, адресат послания – *Лициний*. Здесь два вопроса. Первый: к кому из десятка наиболее известных в истории Рима Лициниев обращается А. С. Пушкин? Вторым: мог ли поэт иметь в виду кого-либо из современников в качестве возможного адресата послания? Второй вопрос – область интересов историков литературы, а вот первый имеет прямое отношение к ономастике, поскольку атрибуция субъекта (или объекта) именованья входит в круг её “обязанностей”. Скорее всего, Пушкиным подразумевался один из двух представленных далее политических деятелей Рима: Лициний Столон (Licinius Calvus Stolo), народный трибун в 376 г. до н. э., проведенный вместе с Лицинием Секстием (Sestius Lateranus) три закона (leges Licinia Sestiae), давшие в 367 г. до н. э. плебейам политическое равноправие и открывшие доступ к консульству. Теперь вернемся к списку. *Петрон* (Petronius Gaius – ?-66 г. н.э.) – римский писатель, “законодатель вкуса”, “арбитр изящества” при дворе Нерона, предполагаемый автор «Сатирикона», в котором правдиво отобразил моральное вырождение римского общества; *Ювенал* – римский поэт-сатирик (50-125 гг. н. э.). В начале XIX века Ювенала ценили как сурового обличителя и борца с пороками римского общества. Персонажи сатир Ювенала названы именами видных лиц времени правления императора Домициана. Рядоположенность имен *Петрона* и *Ювенала* объясняет климактерический смысл синергетической семантики “списка”. Оба писателя воспринимались юным Пушкиным как авторы, страстно бичующие пороки общества.

Теоретически можно допустить и практически легко убедиться, что каждый из элементов перечня или, по крайней мере, один из них может иметь при себе определение. Тогда структура приведенных выше моделей преобразится в такую: $P^i = adj_1 N_1, \& adj_2 N_2$ (/ *Пускай бесстыдный Клит, вельможей раб Корнелий, / Оставя ложе сна с запевшим петухом, / От знатных к богачам бегут из дома в дом* / [К Лицинию]) или, например, в такую: $P^i = adj_1 N_1 \& u \& adj_2 N_2$, где *adj* – определение того или иного вида при поэтониме. В при-

веденном списке один персонаж – *бесстыдный Клит* – носитель условно-поэтического имени, трижды использованного Пушкиным, – разумеется, “бессовестный человек”. В стихотворении «Сон» (1816) *Клит*: / <...> в подушках поседельй, / Размученный, изнеженный, больной, / Весь век сидит с подагрой и тоской. / – ленивец. В коллективных «Куплетах»: / *Клит малый добрый, не деритесь, / Он вас обидеть не хотел, / – бретёр*. Другой персонаж из анализируемого списка – *вельможей раб Корнелий* – представлен Пушкиным с таким определением, поскольку римский писатель, историк Корнелий Непот (Cornelius Nepos) (100-32 г. до н.э.), наиболее известен частично дошедшим до нового времени сочинением «De viris illustribus» (О знаменитых людях), прославляющим иностранных и римских царей, полководцев, историков, ораторов, поэтов. Сохранились также биографии римских вельмож Катона Старшего и Аттика.

Для раннего творчества А. С. Пушкина вообще характерно использование в поэтических текстах разнообразных перечислений тем или иным образом расширенных определениями. Так, начало стихотворения 1814 г. «К Батюшкову» представляет собой перечень, состоящий из шести поэтических обращений-характеристик адресата послания: / *Философ резвый и ниит, / Парнасский счастливый ленивец, / Харит изнеженный любилец, / Наперник милых Аонид, / Почто на арфе златострунной / Умолкнул, радости певец?* / Перечисления далеко не единичны и склонность к построению высказываний именно в такой форме, естественно, оказала влияние на употребление в них поэтонимов. Из всего множества найденных в стихотворных произведениях А. С. Пушкина случаев использования перечней как структурно и содержательно текстообразующих средств рассмотрим здесь лишь несколько наиболее показательных, обратив особое внимание на синергетическую семантику и конгенеративную поэтику перечней, количество компонентов в которых больше двух. Такой подход представляется целесообразным, поскольку, чем шире становится контекст, чем больше смысловых единиц включается в него, тем большим количеством содержательных нюансов, коннотаций, ассоциативных связей, эмоционально-экспрессивных оттенков наполняется перечень поэтонимов. В некоторых из обсуждаемых примеров поэтонимы составляют основу системы образности.

Интересным представляется перечень имен из эпиграммы А. С. Пушкина «Угрюмых тройка есть певцов...», направленной против членов «Беседы любителей русского слова». Причиной, побудившей А. С. Пушкина взяться за перо и написать эту злую и, в общем-то, не вполне “справедливую” эпиграмму, был грандиозный успех пьесы

А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (премьера – 23 сентября 1815 года). В одном из персонажей пьесы, сочинителя баллад, названном *Фиалкиным*, легко угадывался В. А. Жуковский. Этот факт, ставший внешним поводом для создания литературного общества «Арзамас», был расценен его членами как посягательство на безусловный авторитет их вождя (вспомним “говорящую” ономастическую ауру общества: все 20 “арзамасцев” носили прозвища, заимствованные из баллад Жуковского). Он же вызвал множество полемических откликов с их стороны и со стороны части театральных и литературных критиков, принадлежащих к лагерю карамзинистов. По справедливому мнению литературоведов, эти литературно-театральные столкновения привели, в конечном итоге, к односторонней оценке всего творчества Шаховского.

Эпиграмма при жизни А. С. Пушкина не печаталась, а дата ее создания – 8 декабря 1815 года – определена по сохранившемуся отрывку из лицейского дневника. Впервые эпиграмма была опубликована Д. И. Сапожниковым в 1899 году во втором номере «Русского архива», т. е. тогда, когда не только улеглись страсти по «Липецким водам», но и самих участников этих событий уже не было в живых. Присмотревшись к культурному и литературному быту России того времени, можно точнее оценить и смысл эпиграммы в целом, и роль в ней трижды повторенного списка имён⁵.

Приведем текст эпиграммы и обратимся к рассмотрению интересующего нас *трижды* повторенного перечня из *трёх(!)* имен.

*Угрюмых тройка есть певцов –
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов –
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто ж глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!*

Прообраз и протоним первого персонажа эпиграммы *Шихматова* – князь С. А. Ширинский-Шихматов (1783-1837⁶) – поэт, ориентировавшийся на высокий слог, обильно пользовавшийся церковнославянизмами. Последнее объяснимо: князь был глубоко религиозен, в 1830 г. постригся в монахи, а незадолго до смерти, в 1836 г., стал архимандритом при русской посольской церкви в Афинах. В «Домике в Коломне» Шихматов определен А. С. Пушкиным как “богомольный”. Во-

⁵ Этот вопрос более подробно рассмотрен в готовящейся к изданию монографии автора статьи «Поэтонимология».

⁶ В комментариях Б. В. Томашевского к академическому 10-томному полному собранию сочинений А. С. Пушкина год смерти С. А. Ширинского-Шихматова – 1846 – указан ошибочно.

обще С. А. Ширинскому-Шихматову в пушкинском дискурсе “жилось” неуютно. В одном из первых стихотворений поэта «К другу стихотворцу» (1814) он – упомянутый в определительной функции (опять-таки в списке) *Рифматов*: / *Творенья громкие Рифматова, Графова / С тяжёлым Бибрусом гниют у Глазунова* / . Здесь поэт намекает на то, что произведения перечисленной поэтической троицы не раскупаются, остаются невостребованными у издателя и книгопродавца Глазунова⁷. Под псевдонимами *Графов* и *Бибрус* скрыты бездарный стихотворец граф Д. И. Хвостов (1757-1835), между прочим, переведший на русский язык стихами «Поэтику» Буало, и второстепенный поэт С. С. Бобров (ум. в 1810 г.). Прозвище-псевдоним *Бибрус* – изобретение П. А. Вяземского – дано ему за пристрастие к вину (лат. *bibere* – пить), естественно, не без влияния созвучности прозвища и фамилии. В «Городке» поэт, сравнивая себя с неким счастливым ленивцем, сладко спящим над книгой, называет Шихматова *Рифмовым*: / *Блажен, кто веселится / <...> / Захочет – сладко спит, / На Рифмова склоняясь / И тихо забываясь.* / Пушкинские прозвища С. А. Ширинского-Шихматова мотивированы одной из особенностей его поэзии: отсутствием глагольных рифм (за что Батюшков прозвал его “безглагольным”).

Вторым в “тройке певцов” значится главный “виновник” эпиграммы – известный писатель, драматург и театральный деятель, князь А. А. Шаховской (1777-1846). Тем или иным образом к фигуре Шаховского, театральным и литературным событиям того времени А. С. Пушкин обращался неоднократно. В академическом полном собрании сочинений А. С. Пушкина зафиксировано 89 случаев обращения поэта к различным фактам, прямо или ассоциативно связанным с Шаховским. Кроме того, в лицейском дневнике (запись от 28 ноября 1815 г.) воспроизведен текст «Венчания Шутовского»⁸. Со временем отношение Пушкина к Шаховскому переменилось. Через посредничество Катенина Пушкин познакомился и сбли-

⁷ Иван Петрович Глазунов (1762-1831) – владелец крупной издательской фирмы и известной книжной лавки в Аничковом доме, которая изображалась литераторами начала XIX века как кладбище непризнанных поэтов.

⁸ В связи с этой записью нуждается в уточнении один вопрос. А. С. Пушкин отметил: “Ш<ишк>ов и г-жа Б<уни>на увенчали недавно кн<язя> Шаховского лавровым венком, на этот случай сочинили очень остроумную пьесу под названием: *Венчанье Шутовского (Гимн на голос: de Béchamel)*” [Т.12, с.295]. Таким образом, Пушкин назвал авторами “Венчания...” А. С. Шишкова и А. П. Бунину.

зился с Шаховским. Известные стихи о Шаховском в «Евгении Онегине» наглядно демонстрируют перемену в оценке Пушкиным этого драматурга и театрального деятеля: / *Там вывел колкий Шаховской / Своих комедий шумный рой* / [ЕО, 1, XVIII]. Однако в интересующий нас период полемики вокруг упомянутой комедии и далее на протяжении нескольких лет отношение А. С. Пушкина к Шаховскому и его творчеству не расходилось с утверждениями, высказанными в эпиграмме. Так, 17 декабря 1815 г. в лицейском дневнике он набросал тезисы специальной статьи «Мои мысли о Шаховском», где, в частности, писал: «Шах<овской> никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец. – Шах<овской> не имеет большого вкуса, он худой писатель» [Т.12, с.302]. В письме от 28 декабря 1816 г., формулируя комплимент В.Л. Пушкину, он заметил: / *Но вы, <...> умели / <...> / <...> мучить бледного Шишкова / Священным Феба языком / И лоб угрюмый Шаховского / Клеймить единственным стихом!* / [Т.13, с.5]. В послании «К Жуковскому» (1816) Пушкин, намекая на Шаховского, писал: / *Тот, верный своему мятежному союзу, / На сцену возведя зевающую музу, / Бессмертных гениев сорвать с Парнасса мнит / и, повторяя распространенное мнение о причастности Шаховского к интригам против Озерова, восклицал: / К вам Озерова дух взывает: други! месть!.. /*

Несколько слов о последнем в эпиграмматическом списке персонаже – руководителе «Беседы любителей русского слова»⁹ адмирале и президенте Российской академии А. С. Шишкове (1754-1841). Автор «Рассуждения о старом и новом слоге русского языка» (1804), переводчик «Слова о полку Игореве» (1805), противник манерной сентиментальной прозы и сторонник внедрения в литературу церковнославянизмов и фольклорных оборотов речи, А. С. Шишков был еще одной мишенью для писателей карамзинского лагеря и “арзамасцев”. В отношении А. С. Пушкина к нему так же, как и в отношении к Шаховскому, впоследствии произошли перемены.

А вот в «Путеводителе по Пушкину» авторство «Венчания...» отдано одному из основателей «Арзамаса» Д. В. Дашкову: <Пушкин> “вписал в свой дневник памфлетную рукописную кантату Дашкова «Венчание Шутовского» [Т.19, с.1323]. Как бы там ни было, независимо от авторства «Венчания...» этот персонаж упомянут в тексте 9 раз под “псевдонимом” и 10 раз с помощью перифраз.

⁹ «Беседу любителей русского слова» (1811-1816) вместе с А. С. Шишковым возглавлял Г. Р. Державин. Именно в его доме собирались члены “Беседы”.

Но в момент написания эпиграммы поэт всячески вышучивал Шишкова, а, например, в полной редакции письма от 22 декабря 1816 г. (ср. выше с письмом от 28 декабря 1816 г.) к В. Л. Пушкину даже дал ему прозвище **Ослов**: / <...> мучить бедного **Ослова** / Священным Феба языком / [Т.1, с.309].

Вернемся теперь к тексту эпиграммы и содержащемуся в нем перечню имён. Итак, что привлекательного в этом перечне, кроме того, что за персонажами эпиграммы, как уже отмечено выше, стояли весьма уважаемые и даже почтенные личности, а сама она, несомненно, создавалась с эпатажными¹⁰ намерениями? Прежде всего – повтор, и, конечно же, сильная, рифмующаяся позиция поэтонимов. Реализованные в эпиграмме варианты списка не исчерпывает возможных комбинаций: всего можно “сконструировать” шесть последовательностей имен в списке. Однако среди гипотетически возможных, но отвергнутых поэтом, все варианты, особенно с начальной позицией *Шаховской* неприемлемы по ритмическим соображениям. Конечно, стих *Шишков наш, Шаховской, Шихматов*, с одной стороны, “подпортило”, а с другой, “выручило” местоимение *наш*. Но несомненно, что свойственное поэтике повтора усиление выразительности компонентов списка в каждом из последующих употреблений, сыграло решающую роль. Кроме того, шесть стихов эпиграммы воспринимаются не столько как шестистишие, сколько как три двустишия, каждое из которых завершается настойчивым, как заклинание, рефреном. Поскольку Пушкин выстроил повторяющийся перечень таким образом, что в рифмующейся, т. е. сильной, позиции оказалось каждое из трёх имен, список разнообразился. А рифмы *певцов – Шишков, супостатов – Шихматов* и *злой – Шаховской* подчеркнули главную, по мнению автора эпиграммы, черту характера осмеиваемых персонажей. Последний вариант списка полностью повторяет имена в позиции рифмы. То есть, её можно прочитать и по вертикали (читая только последний поэтоним рефрена), и по горизонтали. “Общим знаменателем” эпиграммы может быть мораль «Квартета» И. А. Крылова, тоже, кстати говоря, члена «Беседы любителей русского слова»: / *А вы, друзья, как ни садитесь, / Все в музыканты не годитесь /*.

Во многих других, кроме представленной эпиграммы, ранних произведениях А. С. Пушкина “поэтонимная составляющая” темы “поэт и поэзия” продолжается и развивается, в том числе, с опорой на поэтику перечней имен. В

¹⁰ От французского *épatage* – скандальная, приводящая в изумление выходка.

стихотворении «Моему Аристарху¹¹», обращенном к лицейскому учителю, профессору российской и латинской словесности Н. Ф. Кошанскому (1785-1831), Пушкин, иронизируя по поводу придирчивости адресата послания (*Не думай, цензор мой угрюмый, / Что я, беснуясь по ночам, / Окован стихотворной думой, / Покоем жертвую стихам; /*), использует перечень кличек-псевдонимов для того, чтобы отделить свои взгляды на поэзию от взглядов другого поэта: *Так пишет (молвить не в укор) / Конюший дряхлого Пегаса / Свистов, Хлыстов или Графов, / Служитель отставной Парнассы /*. Формально структуру этого замечательного перечня можно представить следующим образом: $P_i = Pph_{1a}, \& N_{1a}, \& N_{1b}$ или $N_{1c}, \& Pph_{1b}$. Здесь символом *Pph* обозначено перифрастическое именование объекта описания. А “неизъяснимая наглядность” этого перечня выявляется в формуле повторяющимся индексом -1 . С его помощью показано, что весь список относится к различным именованию одного и того же персонажа, прототипом которого был русский писатель, обер-прокурор синода, граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757-1835). Неоднократно под разными псевдонимами упоминаемый в пушкинских текстах Д. И. Хвостов здесь “номинарован” двумя перифразами *Конюший дряхлого Пегаса* и *Служитель отставной Парнассы*, а также тремя прозвищами *Свистов, Хлыстов, Графов*. Выразительность этого перечня для читателей пушкинского таланта значительно усиливалась тем обстоятельством, что консерватор и архаист Хвостов был постоянным объектом эпитграмм и пародий многих писателей-современников.

Среди ранних произведений поэта, кроме собственно перечислений, в том числе, “расширенных” или осложненных разного рода эпитетами и определительными конструкциями, есть стихотворение «Городок» (1815 г.), в котором списки имен являются основным композиционным и образным средством. Центральная часть этого стихотворения представляет собой изображение вымышленного¹² поэтом “кабинета”, формально

¹¹ Имя Аристарха (II в. до н.э.), грамматика и комментатора греческих авторов из Александрии, уже в античные времена было нарицательным для обозначения филолога, а в пушкинские – для литературного критика.

¹² Б. В. Томашевский в комментариях к стихотворению отметил: «В «Городке» нельзя видеть автобиографическое послание к подлинному лицу с подлинными фактами жизни Пушкина. Описание пребывания в Петербурге и в маленьком городке не соответствуют действительной жизни Пушкина в столице и в Царском Селе; однако для своих вымышленных писаний Пушкин, конечно, воспользовался личными наблюдениями (курсив мой. – В. К.)» [т 1, с.478].

Семантика имен и поэтика их перечислений

являющегося перечнем-характеристикой писателей и книг, стоящих на полках.

Описание главной книжной полки кабинета от вступительного (*Укрывшись в кабинет /*) до заключительного (*Над ним я время трачу /*) стиха составляет 70 строк. В условно-поэтическом изображении кабинета 20 имен писателей, упомянутых в первом перечне, органично “погружены” в контекст, представляющий собой иронически-оценочное балагурство, по-видимому, распространенное в кругу поэтов-карамзинистов и характерное для литературного быта “арзамасцев”. В количественном отношении это самый большой список у Пушкина: *Укрывшись в кабинет, / Один я не скучаю / <...> / Друзья мне – мертвецы, / Парнасские жрецы; / <...> / На полке за Вольтером / Virgiliy, Тасс с Гомером / <...> / С Державиным потом / Чувствительный Гораций – / <...> / Мудрец простосердечный / Ванюша Лафонтен! / Ты здесь – и Дмитриев нежный / <...> / С Крыловым близ тебя. – / <...> / Воспитаны Амуром / Вержье, Парни с Грекуром / Укрылись в уголок / <...> / Здесь Озеров с Расином, / Руссо и Карамзин, / С Мольтером-исполином / Фон-Визин и Княжнин. / <...> / Их грозный Аристарх / Является отважно / В шестнадцати томах. / Хоть страшно стихоткачу / Лагарпа видеть вкус, / Но часто, признаюсь, / Над ним я время трачу./*

Представленный в стихотворении список из 20 имен писателей в значительной мере является своеобразным отчетом о круге чтения шестнадцатилетнего поэта. В нем, кроме информации, важной для поэтонимологического анализа, есть та, о ценности которой для изучения творчества А. С. Пушкина писал Л. С. Сидяков в статье, представляющей труд Б. Л. Модзалевского «Библиотека А. С. Пушкина»: “Вопрос о том, что читал Пушкин, имеет чрезвычайно существенное значение не только в плане биографическом, но и в плане историко-литературном. <...> только вполне уяснив круг чтения поэта, мы сможем поднять на должную теоретическую высоту изучение литературного генезиса его творчества в целом и его отдельных произведений <...>” [с. 3].

Для поэтонимологии важно то, что все без исключения имена списка употреблены метонимически (имена *Авторов* книг употреблены взамен их *Названий*). Поэтому ниже не просто указывается, кто и почему “приглашен” Пушкиным в “кабинет” (*Авторы*), но и, в тех случаях, когда это возможно, выдвигаются предположения о книгах (*Названия*).

Интересно отметить, что после стиха *Друзья мне – мертвецы /* А. С. Пушкин начинает перечислять и в список, содержащий названия книг по их авторам, включает имена не только поэтов, покинувших сей мир, но и тех литераторов, которые в 1815 году были живы. Так, Г. Р. Державин

вин умер в 1816 году, И. И. Дмитриев на 8 месяцев, а И. А. Крылов на 7 лет пережили автора «Городка».

За два года поэтических упражнений А. С. Пушкин усовершенствовал ремесло версификации и в «Городке» предстает уже стихотворцем-мастером. Упомянув *Вольтера* Франсуа Аруэ (1694-1778) – французского писателя и философа в числе первых, Пушкин сказал очень многое. Известно, что поэт читал произведения Вольтера с детства. Ко времени написания «Городка» он уже был знаком с некоторыми его произведениями, в том числе с «Орлеанской девственницей». Томик *Вольтера* поэт представляет не только метонимически примененным собственным именем. Ему предшествует фейерверк онимных перифраз и шутивных определений, характеризующих выдающегося французского писателя, философа и историка. Они также представляют собой перечисление: / *Сын Мома и Минервы, / Фернейский злой крикун, / Поэт в поэтах первый, / Ты здесь, седой шалун! / Он Фебом был воспитан, / Из детства стал пиит; / Всех больше перечитан, / Всех менее томит; / Соперник Эврипида, / Эраты нежный друг, / Арьоста, Тасса внук – / Скажу ль?... отец Кандида – / Он всё; везде велик / Единственный старик.* / В списке именем *Вольтера* могли быть названы как книги на французском, так и на русском языке. Выяснить, о какой из книг идет речь, представляется затруднительным. Однако можно с большой долей вероятности предположить, что на воображенной А. С. Пушкиным полке могла стоять не одна книга этого автора. Ведь еще в 1777 г. на русский язык была переведена трагедия «Смерть Цезаря», 1783 г. в Москве порусски была издана трагедия «Брут», в 1786 г. на русский язык переведена трагедия «Альзира, или Американцы», в 1791 г. был осуществлен перевод первой трагедии «Эдип», в 1798 г. – трагедии «Фанатизм, или Магомет пророк». Среди книг могла быть и философическая повесть «Кандид, или Оптимизм» (*Скажу ль?... отец Кандида*). Относительно последней надо напомнить, что это произведение Вольтера было в России достаточно одиозным, хотя русский перевод её был осуществлен ещё в 1779 году. Единственное, чего не мог позволить себе А. С. Пушкин, так это поместить на главной полке «Орлеанскую девственницу», о которой в юношеской поэме «Бова» (1814) написал: / <...> *вчера в архивах рояся, / Отыскал я книжку славную, / Золотую, незабвенную, / Катехизис остроумия, / Словом: Жанну Орлеанскую* /. Однако “фривольную полку кабинета” без этой книги, в которой Вольтер позволил себе насмешку над национальной героиней, политическим строем Франции и католичеством, без книги содержащей очень смелые любовные эпизоды, представить невозможно.

Вносит ли какие-то уточнения в эти предположения характеристика Вольтера¹³, представляющая собой еще один тип перечисления? Смысл первой характеризующей онимной перифразы (/ *Сын Мома и Минервы* /) – ‘сатирик и философ’. Он передан собственными именами *Мом* (Μῶμος) – в греческой мифологии божество злословия, (откуда мотивация другого определения *Фернейский злой крикун* и *Минерва* (Minerva) (в римской мифологии – богиня мудрости). Здесь возможна аллюзия на философские письма «Letters concerning the English nation» («Письма об английской нации» 1734), изданные в Англии и вызвавшие бурю возмущения в парламенте Франции, что вынудило Вольтера на целых 10 лет бежать в Лотарингию. Весь смысл нескольких последующих стихов указывает на поэтический талант Вольтера, формировавшийся в различных жанрах “легкой” лирической поэзии, расцветший в разящей иронии и остроумии эпиграмм и фривольных стихотворениях (/ *Всех больше перечитан, / Всех менее томит; /*). Перифраза (/ *Соперник Эврипида, /*) намекает на то, что Вольтер, подобно древнегреческому драматургу, был автором классических трагедий. Пушкину были известны трагедии Вольтера, созданные под влиянием идеалов античности: «Эдип», «Меропа», «Орест», «Катилина, или Спасенный Рим» и др. *Эраты нежный друг* – ономастическая аллюзия на то, что Вольтер писал лирические элегии¹⁴. А перифраза *Арьоста, Тасса внук* – говорит не только о знании Пушкиным поэтического творчества Вольтера, но и указывает, что некоторые из произведений (возможно, «Генриаду») Пушкин считал конгениальными творениям Ариосто «Orlando Furioso» («Неистовый Роланд») и Т. Тассо «La Gerusalemme Liberata» («Освобожденный Иерусалим»). Огромная популярность Т. Тассо во Франции общеизвестна, а влияние его непосредственно на Вольтера подтверждается как высокой оценкой творчества Тассо в «Опыте об эпической поэзии» (1727), так и отголосками «Освобожденного Иерусалима» в «Генриаде» (1728) Вольтера.

Следующий в списке – Вергилий Марон Публий (70-19 гг. до н.э.) – римский поэт-эпикурец, автор буколических стихов и знаменитой «Энеиды». Современное написание *Вергилий* является транслитерацией более старой формы Publius Vergilius; в пушкинском варианте отражено позднее латинское написание – Virgilius. Упоминание имени *Вергилия* куда более точно указывает на содержание тома: это, наиболее вероятно, зна-

¹³ Подробнее об отношении А.С. Пушкина к Вольтеру и онимах, характеризующих его, см. в статьях [4, 5].

¹⁴ Эрато – имя музы эротической поэзии.

менитая «Энеида», хотя не исключено, – «Буколики», а также, возможно, дидактическая поэма «Георгики».

Далее имеется в виду какая-то книга итальянского поэта Торквато Тассо (Tasso) (1544-1595). Допустимо предположить, что Пушкин мог представить на полке либо французский текст, либо прозаический перевод исторической поэмы «Освобожденный Иерусалим» («La Gerusalemme Liberata») на русский язык (осуществлен М. Н. Поповым в 1772 г.). Подобно К. Н. Батюшкову («К Тассу», «Умиравший Тасс»), Пушкин использует название *Тасс*.

Именем Гомер [древнегреческий поэт (аэд), которому античная традиция приписывает авторство эпических поэм «Илиада» и «Одиссея» (время жизни определяют по-разному – от 12 до 7 вв. до н.э.)] назван, по-видимому, какой-либо из переводов «Илиады» или, что гораздо менее вероятно, «Одиссеи», которая ценилась значительно ниже «Илиады». Первые прозаические переводы «Одиссеи» на русский язык осуществлены в конце XVIII века. Стихотворный перевод (выполненный по подстрочнику) в 1849 году опубликовал В. А. Жуковский. Дата публикации говорит сама за себя. «Илиада» на русский язык переводилась несколько раз. Прозаический перевод осуществлен П. Екимовым в конце XVIII века. Затем был сделанный александрийским стихом перевод Е. И. Кострова (1787, 1811) и, наконец, в 1829 году свой перевод «Илиады» опубликовал Н. И. Гнедич. О последнем в «Городке» так же, как и об «Одиссее» в переводе В. А. Жуковского, естественно, не могло быть и речи.

Г. Р. Державин (1743-1816) – самый именитый поэт допушкинской поры публиковался много, писал разнообразно, поэтому решить вопрос о том, какой именно том его произведений “поставил” Пушкин на главной полке, можно лишь гипотетически. Однако, если обратить внимание на то, что / *С Державиным потом / Чувствительный Гораций* /, можно предположить, что в виртуальном пушкинском кабинете стоял томик анакреонтической лирики (характерная черта третьего периода творчества) Державина. Возможно также, что поэт представил на заветной полке один или несколько томов из прижизненного пятитомника (1808-1816) Державина. По крайней мере, большая часть собрания сочинений уже была издана ко времени работы над «Городком».

Гораций – знаменитый римский поэт Квинт Гораций Флакк (Quintus Horatius Flaccus) (65-8 гг. до н.э.). В зрелые годы прославился как автор “чувствительных” любовных и дружеских посланий, а также интимной лирики. Какое издание Горация мог представить Пушкин, сказать трудно, но предположить можно. Гораций тиражировался начиная с 1470 года (первое Венецианское издание сочинений). Издавался на латыни и в пе-

реводах. Позволив себе (вместе с Пушкиным) увидеть на полке “кабинета” книгу од Горация с знаменитым *Exegi monumentum* («Памятник») мы не во многом погрешим против истины.

Имя знаменитого стихотворца, обязанного «Басням» («Fables», l. 1-6, 1668; l. 7-11, 1679) славой величайшего народного поэта Франции, Лафонтена (La Fontaine) (1621-1695) – Жан. В языковом сознании носителя русского языка обычно воспринимается как соотносительное с *Иван*. Отсюда уменьшительно-ласкательная форма – *Ванюша*. Член Французской академии, кроме басен, писал драматические произведения, стихи и поэмы, но успеха, сравнимого с баснями, он достиг лишь в озорных и фривольных, проникнутых духом вольнолюбия «Сказках и рассказах в стихах» («Contes et nouvelles en vers», l. 1-5, 1665-1685). Свою “книжную полку” Пушкин мог украсить любым из томов сказок или басен Лафонтена.

Форма *Дмитрев* – дань требованиям ритма. И. И. Дмитриев (1760-1837), русский поэт-сентименталист, переводчик Лафонтена, автор басен, многочисленных и популярных в свое время песен. Первая часть «Сочинений» И. И. Дмитриева опубликована в Москве в 1803 году. Проблем с “идентификацией” метонимии практически нет. Однако отметить, что зрелый Пушкин относился к творчеству Дмитриева критически, необходимо.

И. А. Крылов (1769-1844) – знаменитый русский писатель. Поскольку в «Городке» упоминается пьеса Крылова «Триумф или Подшипа» в то время еще не напечатанная, возможно предположение, что, упоминая Крылова, Пушкин имеет в виду либо рукописный вариант этой, либо опубликованный – какой-нибудь другой пьесы. К басням Крылова юный Пушкин относился хуже, чем к басням Дмитриева. Перемена в отношении к поэзии Крылова произошла позже.

Поскольку французский поэт Ж. Верژه (1657-1720) более всего был известен своими непристойными сказками, представлявшими собой переложения сюжетов Дж. Боккаччо и Ж. Лафонтена, по-видимому, именно такую книжку представлял А. С. Пушкин.

Э. Д. Парни (1753-1814) – французский поэт, автор знаменитых элегий и антирелигиозной поэмы «Война богов» (1799). Обстоятельства лицейской жизни и увлечение Парни в ранний период творчества Пушкина позволяют со значительной долей вероятности говорить о том, что поэтонимом Парни обозначена книга «Эротические стихотворения» (1778 г.).

Возможно, именем “Грекур” Пушкин обозначил широко популярную сказку «Пустынник и фортуна», переведенную на русский язык Николаевым, Хвостовым и Дмитриевым. Ж. Грекур (1683-1743) – французский поэт, автор фривольных сказок и мелких стихотворений, который, несмотря на духовное звание (был аббатом), ос-

меивал монахов и даже комически излагал некоторые сюжеты Библии.

В. А. Озеров (1769-1816) драматург, член литературного кружка неоклассиков. Наиболее известные и пользовавшиеся признанием произведения: «Ярополк и Олег» (1798), «Эдип в Афинах» (1804), «Фингал» (1805), «Дмитрий Донской» (1807). Будь «Городок» написан в 1817 г. можно было бы говорить, что Пушкин имел в виду собрание сочинений Озерова (1 и 2 тома вышли в 1816-1817 гг.).

Ж. Расин (1639-1699) – французский драматург. Трагедии Расина – образец высокого жанра французского классицизма. «Расин <...> в оценке Пушкина, “певец влюбленных женщин и царей”; стихи Расина, по его словам, полны “смысла, точности и гармонии» [1, с. 228-229]. По мнению Ю. М. Лотмана, не доверять мнению которого нет оснований, “Расин (разумеется в подлиннике) входил в начале XIX века в круг чтения среднего образованного русского дворянина” [6, с. 275]. Наиболее известные произведения Расина – «Андромаха» («Andromaque», 1667) (русский перевод 1794 г.); «Британик» («Britannicus», 1670) (русский перевод 1836 г., что исключает книгу на русском языке из списка претендентов на место в “кабинете”), «Ифигения в Авлиде» («Iphigénie en Aulide», 1674) (русский перевод 1796 г.), «Федра» («Phèdre», 1677) (русский перевод 1805 г.). Общий характер описания “кабинета” допускает предположение, что Пушкин имел в виду именно «Федру».

Ж. Ж. Руссо (1712-1778) – французский писатель и философ, автор романа «Юлия, или новая Элоиза» (1761), оказавшего сильнейшее влияние на дальнейшее развитие литературы, определивший характер сентиментальной школы. Этим объясняется сближение имен *Руссо* и *Карамзина* как вождя сентименталистов в России. Скорее всего, именно роман «Юлия, или новая Элоиза» “поставил на полку” А.С. Пушкин. Возвращение к этому произведению в другом, “Татьянином” (см. ниже), списке служит тому подтверждением.

Н. М. Карамзин (1766-1826) – выдающийся русский писатель и историк. Именем “*Карамзин*” Пушкин мог обозначить много разных книг. Но поскольку в анализируемом перечне рядом указаны *Руссо* и *Карамзин*, оправданным представляется сужение возможного перечня произведений Карамзина до «Бедной Лизы» и, что менее вероятно, повести «Наталья, боярская дочь».

Мольер (Жан Батист Поклен) (1622-1673) – знаменитый французский драматург, с творчеством которого Пушкин был знаком с раннего детства и даже подражал ему в детских комедиях, написанных по-французски. В лицее Пушкин считал Мольера величайшим драматургом (*Мольер-исполин*). По преданию, Пушкин советовал Гоголю изучать творчество Мольера. Решить воп-

рос о том, какие произведения Мольера обозначил Пушкин его именем в стихотворении «Городок», не представляется возможным. Тем не менее известнейшими в России были «Тартюф» («Le Tartuffe, ou l'imposteur», 1664), «Мизантроп» («Le misanthrope», 1666), «Скупой» («L'avare», 1669), «Мещанин во дворянстве» («Le bourgeois gentilhomme», 1670) и ряд других.

Фон Визин – использовавшаяся в XIX веке форма фамилии писателя Д. И. Фонвизина¹⁵ (1745-1792). В «Городке» напечатана через дефис *Фон-Визин*. Пушкин ценил комедии Фонвизина и даже помогал П. А. Вяземскому собирать материалы о драматурге. Наибольшей популярностью пользовались комедии «Бригадир» (1766) и «Недоросль» (1788). На воображаемую полку именно их и должен был поставить Пушкин.

Драматический писатель и поэт Я. Б. Княжнин (1742-1791) ценился Пушкиным в лицейские годы наравне с Фонвизиным. Можно допустить, что “на полку” Пушкин мог поставить какую либо из трагедий [«Дидона» (1769), «Рослав» (1784), «Титово милосердие» (1785)] или комедий [«Хвастун» (1786) и «Чудаки» (1790)]. Важно отметить, что *Княжнин* «Городка» – это не *переимчивый Княжнин* романа «Евгений Онегин». Ко времени работы над романом Пушкин считал, что в трагедиях Княжнин “просто не поэт”, а в комедиях – подражатель. Отсюда и определение “переимчивый”. Эпитет “переимчивый” связан с упреками в заимствовании сюжетов из репертуара французского театра и “намекает на сатирическое изображение Княжнина в комедиях Крылова” [6, с. 147].

Ф. Лагарп (1739-1803) – французский писатель, друг Вольтера. Создавал, главным образом, драматические произведения и литературную критику. Главный труд «Лицей, или Курс древней и новой литературы» в 16 томах. Об этом труде в «Путеводителе по Пушкину» сказано следующее: “В среде сторонников старого направления в литературе Лагарп считался почти непогрешимым судьей. Такой взгляд на Лагарпа был и у Пушкина во время его пребывания в лицее” [т. 19, с. 1124]. этим объясняется и определение-отождествление *Лагарп* – *Аристарх*.

Иначе описана другая, “нижняя” полка в кабинете, на которой в пыли лежат / *Визгова* сочиненья, / *Глугона* псалмопенья, / *Известные творенья* / *Увы! одним мышам* /. Под именем *Визгова* выведен С. И. Висковатов (1786-1831), бесталанный драматург и агент III Отделения. В «Путе-

¹⁵ Б. Л. Модзалевский, описывая библиотеку А. С. Пушкина в последней квартире поэта, указал: Полное собрание сочинений Д.И. Фонъ Визина. Москва. Въ Типографіи Семена Селивановскаго. 1830. [4 части (в одном переплете)]. Разумеется, это издание, работая над «Городком», Пушкин не представлял.

водителе по Пушкину» рекомендуется фамилию Висковатова “поставить на место точек в стихах из послания «К Батюшкову» «Философ резвый и пиит» [Т.19, с.956]. *Глупоном* назван, скорее всего, Д. И. Хвостов. Но главное в другом: среди названных сочинений спрятана “*потаенна сафьянная тетрадь*”. Чтобы описать “*сочиненьи, презревшие печать*” поэт снова прибегает к приёму перечисления, но теперь уже “адресатов” послания, авторов неопубликованных произведений, переписанных в тайную тетрадь. Основную роль в перечислении играют аллюзии, “окольные”, намекающие характеристики. Поэт по очереди обращается к собратьям по перу: / *О князь, наперсник Муз, / <...> / И ты, насмешник смелый, / В ней место получил. / <...> / И ты, замысловатый / Буянова певец / <...> / И ты, шутник бесценный, / Который Мельпомены / Котурны и кинжал / Игривой Тальи дал! / <...> / Тут вижу я с Чернавкой / Подципа слезы льёт; / <...> / Но назову ль детину, / <...> / О ты, высот Парнасса / Боярин небольшой, / Но пылко Пегаса / Наездник удалой!* / . Перифразой “князь, наперсник Муз” поименован Д. П. Горчакова (1758-1824), чьи стихотворные сатиры распространялись в рукописных списках, а определение “*насмешник смелый*” получил К. Н. Батюшков (1787-1855) – автор «Видения на берегах Леты», которое не было издано до самой смерти Пушкина. *Буянова певец* – перифрастическое именование В. Л. Пушкина (1770-1830) – дяди А. С. Пушкина, поэта, участника «Арзамаса», автора героикомической поэмы «Опасный сосед» (1811), известной по многочисленным спискам (опубликована в 1855 г.). Главный герой поэмы, гуляка Буянов был популярным литературным образом, имя которого несколько раз использовал А. С. Пушкин. В «Евгении Онегине» он эпизодический персонаж, один из гостей Лариных на именинах у Татьяны. Под осложненной придаточным определительным перифразой / *Который Мельпомены / Котурны и кинжал / Игривой Тальи дал!* скрыт “*шутник бесценный*” И. А. Крылов. *Чернавка* и *Подципа* – имена персонажей шуто-трагедии Крылова «Триумф». Пьеса написана в 1798 г., но по цензурным соображениям напечатана только в 1871 г. Поэтоним *Чернавка* использовался А. С. Пушкиным в «Сказке о мертвой царевне» и в «Барышне-крестянке». Перифразой “*пылко Пегаса наездник удалой*” обозначен поэт-порнограф И. С. Барков (1732-1768), чьи произведения распространялись в списках.

Рамки публикации не позволяют исчерпывающим образом осветить не только все аспекты проблемы, заявленной названием статьи, но даже в достаточном объеме представить материал из творчества А. С. Пушкина. Значительно более полно он будет показан в готовящейся к изданию монографии автора «Поэтонимология». Поскольку одна работа о контекстах типа “круг чтения»,

Семантика имен и поэтика их перечислений

как отмечено в начале статьи, уже опубликована [3], ограничимся парой примеров.

Поэтика некоторых строф романа «Евгений Онегин» целиком строится на развернутой *ономастической метафоре*, в основе которой лежат контексты-перечисления поэтонимов, представляющие собой “списки” имен писателей, имен литературных героев, названий произведений и т.д. Именно этот тип перечислений было предложено именовать контекстом типа “круг чтения”. Например, А. С. Пушкин использовал контекст типа “круг чтения” для характеристики психологического состояния влюбленной Татьяны. После знакомства Онегин вначале предстает в воображении Татьяны как некая романтическая совокупность романских героев (Онегин = любовник Юлии Вольмар + Малек-Адель + де Линар + Вертер + Грандисон): *Счастливой силою мечтанья / Одушевленные созданья, / Любовник Юлии Вольмар, / Малек-Адель и де Линар, / И Вертер, мученик мятежный, / И бесподобный Грандисон, / Который нам наводит сон, – / Все для мечтательницы нежной / В единый образ облеклись, / В одном Онегине слились* [ЕО.3.IX]. Здесь перифразой “*любовник Юлии Вольмар*” назван герой романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» («Julie, ou la Nouvelle Héloïse», 1761) Сен-Прё, который до крайней степени “доводит свою чувствительность, принимающую часто форму политической антиаристократической демонстрации” [КЛЭ, т. 6, стб. 547]. Отношения Юлии и Сен-Прё повторяли историю средневекового богослова Абеяра и его ученицы Элоизы. *Вольмар* – фамилия (по мужу) героини романа Ж.-Ж. Руссо *Юлии*. Антропозоним *Малек-Адель* – имя литературного персонажа, героя романа французской писательницы М. Коттенъ «Матильда, или Крестовые походы» (1805). По мнению Ю.М. Лотмана, “герой романа был идеалом романтических барышень XIX в.” [6, с. 211]. По поводу имени этого литературного персонажа А. С. Пушкин в авторском примечании заметил: “*Малек-Адель* – герой посредственного романа M-me Cottin”. Относительно поэтонима *де Линар* Пушкин в том же примечании заметил: “Густав де Линар – герой прелестной повести баронессы Крюднер”. [ЕО, Прим. 18]. Пушкин назвал имя и фамилию героя французского романа «Валери, или Письма Гюстава де-Линара к Эрнесту де-Г» (1804) Ю. Крюднер. Мятежный мученик *Вертер* – это главный герой популярного во всей Европе романа И. В. Гёте «Страдания молодого Вертера» («Die Leiden des jungen Werthers», 1774) *Грандисон* – добродетельный великосветский герой романа Ричардсона «История сэра Чарльза Грандиссона». В чрезвычайно растянутом и скучном романе практически нет никакого действия. Именно поэтому он и “*наводит сон*”.

Самой себе Татьяна представляется такой же романной героиней (Татьяна = Кларисса +/[или] Юлия +/[или] Дельфина): *Воображаясь героиней / Своих возлюбленных творцов, / Клариссой, Юлией, Дельфиной, / Татьяна в тишине лесов / Одна с опасной книгой бродит, / Она в ней ищет и находит / Свой тайный жар, свои мечты, / Плоды сердечной полноты, / Вздыхает и, себе присвоив / Чужой восторг, чужую грусть, / В забвенье шепчет наизусть / Письмо для милого героя...* / [ЕО.3.Х]. Авторский охладительный и иронический взгляд представлен “вычитанием”: *Но наш герой, кто б ни был он, / Уж верно был не Грандисон* / [ЕО.3.Х]. В перечень *Кларисса, Юлия, Дельфина* включены имена героинь романов, которыми зачитывалась Татьяна. *Кларисса* Гарлоу – героиня одноименного романа («*Clarisse, or the History of a young lady*» 1748, русский перевод 1791-1792 г.) С. Ричардсона (1689-1761) – идеальная девушка, убежавшая из дому, чтобы не выйти замуж за ненавистного Сольмса. К несчастью для себя, в помощники она избирает развратного Ловласа. Обесчещенная им, *Кларисса* умирает. О *Юлии*, героине романа Ж. Ж. Руссо, достаточно сказано выше. *Дельфина* – персонаж первого (русский перевод 1803-1804 г.) одноименного романа французской писательницы А. Л. Ж. де Сталь (1766-1817) – романтическая, бунтующая против установленных норм во имя чувства героиня. Все поэтонимы в списке употреблены в перечне в форме творительного аффектива с оттенком сравнения и отождествления и характеризуют психологическое состояние воспитанной на литературных образцах влюбленной Татьяны. Здесь все поэтонимы списка входят в структуру развернутой метафоры, построенной на взаимопроникновении условно-реального и литературного фона. *Грандисон* – антропоэтоним, имя главного героя сентиментального романа «*История сэра Грандисона*» («*The history of Sir Charles Grandison*», 1754, русский перевод 1793-1794) английского писателя Ричардсона. В приведенной иллюстрации поэтоним употреблен с отрицательной частицей, разрушающей образ любимого, созданный воображением мечтательной Татьяны. У Ричардсона *Грандисон* был олицетворением безукоризненной добродетели. У Пушкина Онегин был героем другого времени. В романе поэтоним Грандисон употреблен 8 раз. Подробнее функционирование этого имени описано в монографии [3, с. 128-129].

Среди фигур речи, определяющих порядок размещения однородного материала, известен антиклимакс – фигура речи, состоящая в расположении слов в убывающем порядке, от семантически более существенных к менее существенным (или разрушающая риторический эффект, достигаемый климаксом, посредством внезапного нарушения стиля). Выразительный пример использования

этой риторической фигуры представлен в пятой главе «Евгения Онегина»: *Хоть не являла книга эта / Ни сладких вымыслов поэта, / Ни мудрых истин, ни картин, / Но ни **Виргилий**, ни **Расин**, / Ни **Скотт**, ни **Байрон**, ни **Сенека**, / Ни даже **Дамских Мод Журнал** / Так никого не занимал: / То был, друзья, **Мартын Задека**, / Глава халдейских мудрецов, / **Гадатель**, **толкователь снов**. [ЕО.5.ХХII]*

Имена, употребленные в контексте типа “круг чтения” для иронической “оценки” не столько толкователя снов, приобретенного Лариными, сколько потребителей “чтива” подобного рода, представляют собой список наиболее читаемых и почитаемых авторов. Но использованы имена писателей метонимически: подразумеваются не авторы как таковые, а их произведения или их книги, сборники произведений.

О книгах *Виргилия* и *Расина* в связи с рассмотрением перечней имен в «Городке» уже говорилось. Здесь важно отметить наличие отрицательных частиц при каждом из элементов перечисления, которые усиливают степень “похвалы” контрастирующему элементу конструкции. Общий иронический тон сравнительно-сопоставительной конструкции поддерживается свойственным культурному сознанию образованного русского человека положительными коннотациями, сопутствующими поэтонимам *Виргилий* и *Расин*. Далее в перечне следуют указания на произведения *Скотта*, *Байрона* и *Сенеки*. Эти имена также сопровождаются отрицательными частицами, но общий положительный оценочный тон несомненно присутствует. *Скотт* Вальтер (1771-1832) – шотландский романист, поэт и историк. Уже во времена Пушкина считался создателем жанра исторического романа. В библиотеке А. С. Пушкина было много романов Скотта в оригинале и во французских переводах. С 1815 по 1826 годы многие произведения Скотта переводились на русский язык. Поэтонимом *Скотт* Пушкин обозначил не конкретное произведение писателя, а “совокупный творческий продукт” писателя. *Байрон* Джордж Ноэль Гордон (1788 – 1824) – знаменитый английский поэт. *Байрон* – одно из самых важных для Пушкина и, пожалуй, не менее значительных, чем Вольтер, имен. Творчество Байрона Пушкин хорошо знал, о чем свидетельствуют многочисленные байронические онимные аллюзии, реминисценции и перифразы, использованные в романе «Евгений Онегин». Поэтоним *Байрон* в приведенном отрывке из романа использован для обозначения всех и, одновременно, любого из произведений поэта. *Сенека* Луций Анней (Lucius Annaeus Seneca) (4 г. до н.э. – 65 г. н.э.) – римский философ и драматург, автор 9 дошедших до нас трагедий («*Медея*», «*Эдип*», «*Федра*», «*Агамемнон*» «*Троянки*» и др.). Как и в двух предшествующих случаях поэтонимом *Сенека* обозначено творчество писателя вообще.

Восьмикратное повторение отрицательной частицы *ни* вместе с употреблением усилительной частицы *даже*, относящейся к *Дамских Мод Журналу*, выделяя последний из круга чтения, помещает его все-таки ниже Мартына Задеки на “шкале ценностей” мелкопоместного дворянства, над вкусами которого добродушно подтрунивает А. С. Пушкин. Что касается самого названия *Дамских Мод Журнал*, то оно, скорее всего, условное или переводное. Комментаторы «Евгения Онегина» по-разному трактовали его. Так, Н. Л. Бродский считал, что речь идет о «Дамском журнале» П. И. Шаликова [1]. Критикуя его мнение Ю. М. Лотман писал: “Принять это предположение невозможно: журнал Шаликова не был журналом мод, а представлял собой литературно-критическое издание. <...> Специального журнала дамских мод в России не было; зд. имеется в виду европейски известное французское периодическое издание «Journal des dames et des modes», издаваемый в ту пору гравером Ламесанжером. Журнал этот выходил с 1797 по 1838 гт. (всего за 42 года издания вышло 3600 номеров) и считался общеевропейским законодателем мод” [6, с.2 75-276].

Для характеристики последнего в обсуждаемом ряду поэтонима воспроизведем словарную статью из наших материалов к «Словарю собственных имен языка А. С. Пушкина»:

МАРТЫН ЗАДЕКА [4(3/1/0)]. *Имя вымышленного лица, автора “толкователя снов”*. & [Мартын (Мартин) Задека – вымышленное лицо, якобы жившее в XI в. и являющееся после смерти с загробными пророчествами (см.: 8, с. 514-516; 6, с. 276)]. *Употреблено 1) в контексте типа “круг чтения” в оценочно-характеризующем значении с оттенком иронии, возникающей за счет многочисленных отрицательных и одной усилительной частицы; 2) метонимически в контексте, а) развивающем “достоинства” и б) подвергающем “критике” “толкователя снов”*; [Полное заглавие “толкователя снов” было таково: “Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного шестилетнего старца Мартина Задека, по которому узнавал он судьбу каждого чрез круги счастья и несчастья человеческого, с присовокуплением Волшебного Зеркала или толкования снов; также правил Физиогномии и Хиромантии, или Наук, как узнавать по сложению тела и расположению руки или чертам, свойства и участь мужского и женского пола, с приложением его ж Задека предсказания любопытнейших в Европе происшествий, событием оправданное, с прибавлением Фокус-Покус и забавных Загадок с отгадками” (1, с. 229-230)]. 3) *в контексте полемического примечания* [Примечание представляет собой полемический ответ на нападки рептильного литератора Б.Федорова в его журнале «Санктпетербургский зритель» (кн. I, 1828) (6, с. 276)]; [Сочи-

Семантика имен и поэтика их перечислений

нения Мартына Задеки воспринимались в кругу образованных современников П как курьез, однако были известны (6, с. 277)]. 2 Хотя не являла книга эта / Ни сладких вымыслов поэта, / Ни мудрых истин, ни картин, / Но ни Вергилий, ни Расин, / Ни Скотт, ни Байрон, ни Сенека, / Ни даже Дамских Мод Журнал / Так никого не занимал: / То был, друзья. **Мартын Задека**,³³ / Глава халдейских мудрецов, / Гадатель, толкователь снов. [ЕО.5.XXII]. **Мартын Задека** стал потом / Любимец Тани... [ЕО.5.XXIII]. Гадательные книги издаются у нас под фирмою **Мартына Задеки**, почтенного человека, не писавшего никогда гадательных книг, как замечает Б.М. Федоров. [ЕО.Прим. 33]. Ее сомнений / **Мартын Задека** не решит; / Но сон зловещий ей сулит / Печальных много приключений. [ЕО.5.XXIV]. **тФ.**: *метонимическая, указательно-характеризующая* [ЕО.5.XXII]. [ЕО.5.XXIII]. [ЕО.5.XXIV]. *указательно-информативная* [ЕО.Прим. 33].

Мысль сравнить “книжную полку” вымышленного кабинета шестнадцатилетнего юноши, равно, как и другие перечни авторов и книг, с библиотекой зрелого мастера, в процессе работы над поэтикой собственных имен в произведении А. С. Пушкина время от времени появлялась. Но окончательно созрела она после знакомства со свидетельствами В. А. Жуковского и княгини Е. Н. Мещерской (урожденной Карамзиной), касающимися последних минут жизни поэта. Обведя глазами шкафы своей библиотеки, Пушкин умер со словами: “Прощайте, друзья!” Другой вариант последних тоже адресованных книгам слов поэта: “Прощайте, прощайте”, – не меняет сути произошедшего. Разумеется, описанная Б. Л. Модзалевским библиотека поэта, не была для него единственным источником чтения. П. Анненков отметил, что страсть к чтению развилась у Пушкина уже на 9 году жизни, писал, ссылаясь на Льва С. Пушкина, что будущий поэт “проводил бессонные ночи, тайкомъ, забираясь въ кабинетъ отца, и безъ разбора “пожиралъ” всѣ книги, попадавшія ему подъ руку” [7, с. II]. В Лицее, что естественно, Пушкин пользовался его библиотекой. В южной ссылке и в Михайловском, в разного рода разъездах Пушкин много читал, причем не только покупал книги, но брал их у друзей и знакомых. В переписке постоянно встречаются просьбы прислать те или иные книги. Б. Л. Модзалевский в предисловии к своему исследованию цитирует Н.М. Смирнова, отметившего, что Пушкин “читалъ очень много и, одаренный необыкновенною памятью, сохранилъ всѣ сокровища, собранныя имъ въ книгахъ” («Русск. Арх.» 1881 г. кн. II, стр. 224)”. Эти факты ставят перед исследователями еще одну интересную задачу: проследить функционирование библиономов в языке Пушкина, а также установить наименования тех книг, которые у поэта метонимически называются именами авторов произведений. На-

пример, в большом “круге чтения” из «Городка», где именами авторов названы 20 книг, оказались 12 книг из библиотеки пушкинского кабинета на ул. Мойка, 12. В примечании к статье¹⁶ приведены наименования лишь тех из них, которые ко времени написания стихотворения (1815) уже были опубликованы и, следовательно, могли быть реальными ис-

точниками “библионимного” вдохновения поэта. Книги были постоянными спутниками жизни А.С. Пушкина, а литература всегда была источником и материалом для творчества. Что же касается контекстов типа “круг чтения” и других перечней имен, то они были важным средством и характерной чертой поэтики А. С. Пушкина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский Н. Л. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина: Пособие для учителей средней школы. – М.: Гос уч.-пед. изд-во Мин просв. РСФСР, 1950. – 408 с.
2. Калинин В. М. Поэтика онимов романа «Евгений Онегин» в контекстах типа “круг чтения” // Вісник харківського університету № 449. – Серія «Філологія». – Пушкін наприкінці ХХ століття. – Харків, 1999. – С.197-201.
3. Калинин В. М. Теория и практика лексикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина). – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 247 с.
4. Калинин В. М. “Вольтер”. Материалы к словарной статье //Филологические исследования: Выпуск 7. Сборник научных статей. – Донецк: Юго-Восток, 2004. – С.184-211.
5. Калинин В. М. “Вольтер”. Онимографический анализ материалов и опыт статьи для словаря языка писателя // (в печати).
6. Лотман Ю. М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. – Л.: Просвещение, 1980. – 416 с.
7. Модзалевский Б. Л. Библиотека А.С. Пушкина (Библиографическое описание). – С.-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1910.– 441 с.
8. Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. – М.: НПК “Интелвак”, 1999. – 1008 с.
9. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издание третье. Т.1. Стихотворения. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.
10. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 19 томах. – М.: Воскресенье, 1994-1999.
11. Путеводитель по Пушкину (Сост.: М. К. Азадовский, М. П. Алексеев, Н. С. Ашукин, С. М. Бонди, Д. Д. Благой, Г. А. Гуковский, В. А. Мануйлов, Л. Б. Модзалевский, М. А. Цявловский, А. М. Эфрос, Д. П. Якубович и др.) // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 19 томах. Т.19 (информационно-справочный). Дополнения и исправления. Указатели. Каталог рисунков. Путеводитель по Пушкину. – М.: Воскресенье, 1999. – (1352 с.). – С.865-1344.
12. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / Перев. с итал. Е. А. Костюкович. – СПб: «Симпозиум», 2007. – 92 с.
13. Эко У. Имя розы / Перев. с итал. Е. А. Костюкович. – СПб: «Симпозиум», 2009. – 638 с.

¹⁶ Библиографические описания даны по книге Б. Л. Модзалевского [7]. В библиотеке пушкинского кабинета на Мойке были книги Виргилия, Гомера, Г. Р. Державина (2 разных многотомных издания), Горация (4 книги), Лафонтена (3 книги), И. И. Дмитриева, Э. Парни (5 книг), В.А. Озерова (сочинения в 8 частях), Ж.-Ж. Руссо (20 томов), Н. М. Карамзина (12 томов Истории государства Российского и 10 томов Сочинений), Д. И. Фонвизина (полное собрание сочинений в 4 т.) и Я. Б. Княжнина (5 томов). Из них до 1815 года (времени работы над «Городком») изданы:

1. **Виргилий Маронь**. Еней Героическая поэма Публия Виргилия Марона. Переведена съ Латинскаго Г. Петровымъ. S. 1 et a. [1781 1786]. (2 т.; т. I – 808, т. II – 264 стр.)
2. **Сочинения Державина**. Въ Санктпетербургѣ Въ Типографіи Шнора. 1808 года. (4 тома; т. I – 321, т. II – 317, т. III – 237, т. IV – 330. В старинных кожаных переплетах. Книги сильно зачитаны.)
3. **Горацій Флаккъ**. Квинта Горація Флакка десять писемъ первой книги переведены съ Латинскихъ стиховъ на Рускіе и примѣчаніями изъяснены отъ знатнаго нѣкотораго охотника до стихотворства съ приобщеннымъ при томъ письмомъ о сложеніи Рускихъ стиховъ. Печатаны в Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ. 1744 года.
4. **Горацій Флаккъ**. Квинта Горація Флакка сатиры или беседы съ примѣчаніями, съ Латинскаго языка переложенныя Россійскими Стихами Академіи Наукъ Переводчикомъ Иваномъ Барковымъ. Въ Санктпетербургѣ. При Императорской Академіи Наукъ. 1763 года.
5. **Horace**. (Euvres complètes d’Horace traduites en vers, Par Z. Daru, de l’Academie Francaise Nouvelle edition corrigee. Paris. M.DCCC.XVI. (2 тома; т. I – 415 стр., т. II – 452 стр.)
6. [Дмитріевъ, И. И.]. И мои бездѣлки. Москва. Въ Университетской Типографіи у Ридигера и Клаудія. 1795. (259 стр.) (Экземпляр сильно зачитанный и растрепанный.)
7. [La Fontaine]. Fables choisies mises en vers par M. De La Fontaine; avec un nouveau Commentaire par M. Coste. Paris. M.DCC.LXXXV. (2 тома; т. I – 168 стр. \без конца\, т. II – 404 стр.)

Калінкін В. М.

СЕМАНТИКА ІМЕН ТА ПОЕТИКА ЇХ ПЕРЕЛІКІВ

Обговорюються фактори, які впливають на змістовність та естетичну значущість перерахувань поет онімів у художніх текстах. На низці прикладів з творчості О.С. Пушкіна представлені зміни, які відбуваються у сукупній семантиці й поетиці рядів власних імен у різноманітних контекстах. Показані деякі теоретичні можливості моделювання переліків онімів. Накреслені шляхи подальшого вивчення художньо значимих переліків онімів («Λογος όνομαστική», № 1 (3), 2009, с. 70-83).

Ключові слова: конгенеративна поетика, перелік, поетонім, синергетична семантика.

Kalinkin V. M.

NAMES' SEMANTICS OF AND POETICS OF THEIR LISTS

The factors which influence pithiness and the aesthetic inventory of poetonyms in art texts are described. On a number of examples from Pushkin works the changes occurring in cumulative semantics and poetics of numbers of proper names in various contexts are presented. Some theoretically possible models of realization of "lists" of onyms are shown. Ways of the further studying of artily significant transfers are planned («Λογος όνομαστική», № 1 (3), 2009, с. 70-83).

Keywords: congenerative poetics, transfer, poetonym, synergetic semantics.